

# **М.И. ЦВЕТАЕВА**

---

*ХОЧУ У ЗЕРКАЛА,  
ГДЕ МУТЬ...*



*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ  
МОСКВА*

УДК 821.161.1-1  
ББК 84(2Рос=Рус)6-5  
Ц27

Серия «Эксклюзив: Русская классика»

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Кирсановой*

**Цветаева, Марина Ивановна.**

Ц27 Хочу у зеркала, где муть... : [сборник] / Цветаева  
Марина Ивановна. — Москва : Издательство АСТ,  
2016. — 320 с. — (Эксклюзив: Русская классика).

ISBN 978-5-17-098061-1

В сборник вошли самые популярные стихотворения Цветаевой, включены также известные циклы, посвященные Блоку, Ахматовой, Маяковскому, и поэмы — «Поэма заставы», «Поэма Конца», «Поэма Горы» и «Поэма Лестницы».

УДК 821.161.1-1  
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-098061-1

© ООО «Издательство АСТ», 2016

## *СТИХОТВОРЕНИЯ*

---



1908—1915

**КНИГИ  
В КРАСНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ**

Из рая детского житья  
Вы мне привет прощальный шлете,  
Неизменившие друзья  
В потертом, красном переплете.

Чуть легкий выучен урок,  
Бегу тотчас же к вам, бывало.  
— Уж поздно! — Мама, десять строк!..  
Но, к счастью, мама забывала.

Дрожат на люстрах огоньки...  
Как хорошо за книгой дома!  
Под Грига, Шумана, Кюи  
Я узнавала судьбы Тома.

Темнеет... В воздухе свежо...  
Том в счастье с Бэки полон веры.  
Вот с факелом Индеец Джо  
Блуждает в сумраке пещеры...

Кладбище... Вещий крик совы...  
(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки  
Приемыш чопорной вдовы,  
Как Диоген, живущий в бочке.

Светлее солнца тронный зал,  
Над стройным мальчиком — корона...  
Вдруг — нищий! Боже! Он сказал:  
«Позвольте, я наследник трона!»

Ушел во тьму, кто в ней возник,  
Британии печальны судьбы...  
— О, почему среди красных книг  
Опять за лампой не уснуть бы?

О, золотые времена,  
Где взор смелей и сердце чище!  
О, золотые имена:  
Гек Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!

<1908–1910>\*

## **В ПАРИЖЕ**

Домá до звезд, а небо ниже,  
Земля в чаду ему близка.  
В большом и радостном Париже  
Все та же тайная тоска.

---

\* Даты, заключенные в угловые скобки, являются предположительными.

Шумны вечерние бульвары,  
Последний луч зари угас.  
Везде, везде всё пары, пары,  
Дрожанье губ и дерзость глаз.

Я здесь одна. К стволу каштана  
Прильнуть так сладко голове!  
И в сердце плачет стих Ростана,  
Как там, в покинутой Москве.

Париж в ночи мне чужд и жалок,  
Дороже сердцу прежний бред!  
Иду домой, там грусть фиалок  
И чей-то ласковый привет.

Там чей-то взор печально-братский,  
Там нежный профиль на стене.  
Ростан, и мученик-Рейхштадтский,  
И Сара — все придут во сне!

В большом и радостном Париже  
Мне снятся травы, облака,  
И дальше смех, и тени ближе,  
И боль, как прежде, глубока.

*Июнь 1909*  
*Париж*

## ОНИ И МЫ

Героини испанских преданий  
Умирали, любя,  
Без укоров, без слез, без рыданий.  
Мы же детски боимся страданий  
И умеем лишь плакать, любя.

Пышность замков, разгульность охоты,  
Испытанья тюрьмы, —  
Всё нас манит, но спросят нас: «Кто ты?»  
Мы согнать не сумеем дремоты.  
Мы сказать не сумеем, кто мы.

Мы все книги подряд, все напевы!  
Потому на заре  
Детский грех непонятен нам Евы.  
Потому, как испанские девы,  
Мы не гибнем, любя, на костре.

## СЛЕДУЮЩЕЙ

Святая ль ты, иль нет тебя грешнее,  
Вступаешь в жизнь, иль путь твой позади, —  
О, лишь люби, люби его нежнее!  
Как мальчика, баюкай на груди,  
Не забывай, что ласки сон нужнее,  
И вдруг от сна объятьем не буди.



Будь вечно с ним: пусть верности научат  
Тебя печаль его и нежный взор.  
Будь вечно с ним: его сомненья мучат.  
Коснись его движением сестер.  
Но если сны безгрешностью наскучат,  
Сумей зажечь чудовищный костер!

Ни с кем кивком не обменяйся смело,  
В себе тоску о прошлом усыпи.  
Будь той ему, кем быть я не посмела:  
Его мечты боязнию не сгуби!  
Будь той ему, кем быть я не сумела:  
Люби без мер и до конца люби!

<1909–1910>

## ИСПОВЕДЬ

Улыбаясь, милым крошкой звали,  
Для игры сажали на колени...  
Я дрожал от их прикосновений  
И не смел уйти, уже неправый.  
А они упрянца для забавы  
Целовали!

В их очах я видел океаны,  
В их речах я пенье ночи слышал.

«Ты поэт у нас! В кого ты вышел?»  
Сколько горечи в таких вопросах!  
Ведь ко мне клонился в темных косах  
Лик Татьяны!

На заре я приносил букеты,  
У дверей шепча с последней дрожью:  
«Если да, — зачем же мучить ложью?  
Если нет, — зачем же целовали?»  
А они с улыбкою давали  
Мне конфеты.

### ОЧАГ МУДРЕЦА

Не поэтом он был: в незнакомом  
Не искал позабытых созвучий,  
Без гнева на звезды и тучи  
Наклонялся над греческим томом.

За окнами жизнь засыпала,  
Уступала забвенью измена,  
За окнами пышная пена  
За фонтаном фонтан рассыпала.

В тот вечер случилось (ведь — странно,  
Мы не знаем грядущего мига!),  
Что с колен его мудрая книга  
На ковер соскользнула нежданно.

И комната стала каютой,  
Где душа говорит с тишиною...  
Он плыл, убаюкан волною,  
Окруженный волнением и смутой.

Дорогие, знакомые виды  
Из рам потемневших кивали,  
А за окнами там проплывали  
И вздыхали, пlying, Нереиды.

\* \* \*

Мы с тобою лишь два отголоска:  
Ты затихнул, и я замолчу.  
Мы когда-то с покорностью воска  
Отдались роковому лучу.

Это чувство сладчайшим недугом  
Наши души терзало и жгло.  
Оттого тебя чувствовать другом  
Мне порою до слез тяжело.

Станет горечь улыбкою скоро,  
И усталостью станет печаль.  
Жаль не слова, поверь, и не взора, —  
Только тайны утраченной жаль!

От тебя, утомленный анатом,  
Я познала сладчайшее зло.  
Оттого тебя чувствовать братом  
Мне порою до слез тяжело.

<1911>

### ПУТЬ КРЕСТА

Сколько светлых возможностей ты погубил,  
не желая.  
Было больше их в сердце, чем в небе  
сияющих звезд.  
Лучезарного дня после стольких мучений  
ждала я,  
Получила лишь крест.

Что горело во мне? Назови это чувство  
любовью,  
Если хочешь, иль сном, только правды  
от сердца не скрой:  
Я сумела бы, друг, подойти к твоему  
изголовью  
Осторожной сестрой.

Я кумиров твоих не коснулась бы дерзко  
и смело,

Ни любимых имен, ни безумно-оплаканных  
книг.  
Как больное дитя, я тебя б убаюкать сумела  
В неутешенный миг.  
Сколько светлых возможностей, милый,  
и сколько смятений!  
Было больше их в сердце, чем в небе  
сияющих звезд...  
Но во имя твое я без слез — мне свидетели  
тени —  
Поднимаю свой крест.

## НЕ В НАШЕЙ ВЛАСТИ

Возвращение в жизнь — не обман, не измена.  
Пусть твердим мы: «Твоя, вся твоя!»  
чуть дыша,  
Все же сердце вернется из плена,  
И вернется душа.

Эти речи в бреду не обманны, не лживы,  
(Разве может солгать, — ошибается бред!)  
Но проходят недели, — мы живы,  
Забывая обет.

В этот миг расставанья мучительно-скорый  
Нам казалось: на солнце навек пелена,  
Нам казалось: подвинутся горы,  
И погаснет луна.

В этот горестный миг —

на печаль или радость —

Мы и душу и сердце, мы всё отдаем,  
Прозревая великую сладость  
В отрешенье своем.

К утешителю-сну простираются руки,  
Мы томительно спим от зари до зари...  
Но за дверью знакомые звуки:  
«Мы пришли, отвори!»

В этот миг, улыбаясь раздвинутым стенам,  
Мы кидаемся в жизнь, облегченно дыша.  
Наше сердце смеется над пленом,  
И смеется душа!

## РЕЗЕДА И РОЗА

Один маня, другой с полуугрозой,  
Идут цветы блестящей чередой.  
Мы на заре клянемся только розой,  
Но в поздний час мы дышим резедой.

Один в пути пленяется мимозой,  
Другому ландыш мил, блестя в росе. —  
Но на заре мы дышим только розой,  
Но резедою мы кончаем все!

## ДВА ИСХОДА

### 1

Со мной в ночи шептались тени,  
Ко мне ласкались кольца дыма,  
Я знала тайны всех растений  
И песни всех колоколов, —  
А люди мимо шли без слов,  
Куда-то вдаль спешили мимо.

Я трепетала каждой жилкой  
Среди безмолвия ночного,  
Над жизнью пламенной и пылкой  
Держа задумчивый фонарь...  
Я не жила, — так было встарь.  
Что было встарь, то будет снова.

### 2

С тобой в ночи шептались тени,  
К тебе ласкались кольца дыма,  
Ты знала тайны всех растений  
И песни всех колоколов, —